

Ещё более сложная проблема — как выстроить в перспективе справедливую и реально реализуемую систему взаимоотношений между перенаселёнными странами с ограниченными природными ресурсами и странами с богатыми природными ресурсами, но с низкой плотностью населения? Типичный пример — соседние Китай и Россия. Вспомним, что территория быстро развивающегося Китая, на которой сегодня проживает 1 миллиард 210 миллионов человек (к 2030 году ожидается 1,6 млрд человек), по площади несколько уступает Сибири, заселённой примерно 25 миллионами человек, т.е. плотности населения соотносятся примерно как 50:1. Если учесть также, что Россия существенно превосходит Китай по очень многим видам ресурсов (например, по запасам нефти и природного газа в 35 раз), то становится как-то не по себе. Как решать эту проблему, если исходить из того, что россияне и китайцы — дети одной и той же планеты — планеты Земля? Ответ на этот вопрос в общецивилизационном плане трудно себе представить.

Здесь уместно заметить, что сам по себе термин «общецивилизационный» является термином далёкого будущего, поскольку по многим характеристикам на нашей планете существуют и существуют сейчас несколько частично перекрывающихся цивилизаций, что имеет прямое отношение к протекающему процессу формирования многополюсности мира на пути от двухполюсного (США — СССР) через существующий сегодня однополюсный мир. Эту особенность геополитических тенденций должны были бы иметь в виду руководители нашей страны.

Неочевидность возможных путей решения ряда ключевых проблем, стоящих на пути реализации концепции устойчивого развития в общецивилизационном плане служит основанием для заявления, что эта концепция утопична, так же как утопичны, хотя и разумны, основополагающие требования христианской морали или коммунистической идеологии, призывающие руководствоваться в жизни каждого определёнными, отражающими интересы общества и исторического периода, принципами. Более того, иногда с извещенной долей иронии говорят, что эта концепция закладывает основы новой религии — религии XXI века.

Ничего предосудительного лично в этом не вижу. Ведь общество не может жить без определенных моральных и нравственных установок, обычно облакаемых в различные формы, адекватные уровню осознания требований определенного этапа общественно-го развития.

Да, в какой-то мере концепцию устойчивого развития можно рассматривать как религию XXI века. Обратите, кстати, внимание на наблюдающееся сейчас сближение многих «зелёных движений» с церковью, а шире — с моральным кодексом многих вероисповеданий.

С другой стороны, безальтернативность принятия концепции устойчивого развития опирается на сугубо научный анализ развития цивилизации в XX веке и научные прогнозы, относящиеся к грядущему XXI веку. Именно научная обоснованность основных требований указанной концепции, её безальтернативность с позиций всего человечества побудили глав государств или правительства единодушно подписать в Рио-де-Жанейро документы, согласно которым они взяли на себя ответственность за разработку и реализацию национальных стратегий устойчивого развития.

Согласно документам Конференции ООН в Рио-де-Жанейро, реализация концепции устойчивого развития в каждой стране, естественно, будет учитывать национальные традиции и культуру, состояние экономики и государственные интересы, но в основу её должны быть положены общие для человечества принципы хозяйствования и жизни, учитывающие интересы общества и совместимые с жизнью природы.

Учитывая, что «общецивилизационные интересы» — это термин, относящийся, в значительной мере к отдалённому будущему, на первый план выдвигаются интересы цивилизационно-родственных стран, т.е. формирующихся геополитических полюсов с довольно разными системами жизненных ценностей. При этом между такими полюсами и в совокупности стран, объединяющихся в рамках каждого полюса, неизбежно неравенство стартовых потенциальных возможностей перехода на путь устойчивого развития. При этом естественно возникает вопрос: удастся ли человечеству осуществить сближение таких возможностей, или богатые страны, больше других потребляющие ресурсы и разрушающие окружающую среду, будут стремиться обеспечить устойчивое развитие на своих территориях, продолжая эксплуатировать природные ресурсы развивающихся стран, независимо от их принадлежности, тем самым лишая их воз-

можности перехода к устойчивому развитию. Следует при этом заметить, что подспудно набирающие силу новые формы колониализма опираются на военную силу лишь отчасти, а главную роль начинает играть финансовое и информационное закабаление.

Не следует поэтому думать, что движение человечества к устойчивому развитию будет бесконфликтным. Наоборот, наше время и ближайшие десятилетия будут периодами острой борьбы на мировой арене за ресурсы, экологический резерв и интеллектуальный потенциал.

Похоже на то, что нам придется считаться с двумя противоречивыми тенденциями, выразителями которых в обоих случаях в значительной мере являются развитые или быстро развивающиеся страны вроде азиатско-тихоокеанских «тигров».

Первая связана с формированием упоминавшейся многополюсности мира, при которой интересы части богатых стран из-за принадлежности к разным полюсам будут расходиться. Вторая же обусловлена стремлением всех богатых стран сохранить и приумножить свое благосостояние.

Вторая тенденция, как уже упоминалось, связана с новыми формами колонизации, прикрытыми словесным «фиговым листком». Академик Н.Н. Моисеев («Зеленый мир», спец. выпуск N 12, 1996 г.), рассматривая упоминавшийся выше быстро растущий экономический разрыв между развитыми и развивающимися странами, приходит к выводу, что остановить этот процесс необычайно сложно, поскольку он определяется не народами и даже не правительствами и парламентами, а исповедующими рыночную «мораль» транснациональными корпорациями (ТНК), на долю которых сегодня приходится треть всех производственных фондов мира. Система ТНК имеет явно выраженную тенденцию к расширению, планетарному тоталитаризму и всё большему обособлению в рамках человечества с выделением так называемого «золотого миллиарда» (все те же 20 % наиболее богатых).

Противостоять этому может лишь разум и воля тех, кто понимает мировые тенденции и определяет стратегию развития конкретных стран в рамках общецивилизационных усилий и национальных интересов, а также осознание самими народами крайней сложности ситуации и ускорение процесса формирования многополюсности мира. Исключительно важную роль при этом должны сыграть и общественно-политические движения.

Вернемся, однако, к вопросу о национальных стратегиях. Они являются, по существу, долгосрочными государственными планами, включающими показатели, которых страна собираются поэтапно достичь в социальной, экономической и экологической областях в соответствии с намечаемыми темпами движения по пути устойчивого развития. Примером может служить национальная стратегия устойчивого развития Великобритании, принятая в январе 1994 года.

Не прошло и четырёх лет после Конференции ООН в Рио, как «раскачалась» и Россия — президент нашей страны 1 апреля 1996 года подписал указ о разработке проекта государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации.

Каковы же сегодня предпосылки для разработки национальной стратегии устойчивого развития России? В период подготовки Конференции ООН по окружающей среде и развитию (1987—1991 годы) Россия, несмотря на 10—15-летнее опоздание с внесением необходимых серьезных изменений в структуру экономики и движущие силы её развития, включая разумное расширение рыночных отношений, и по должному обеспечению демократизации жизни общества, располагала наиболее весомыми предпосылками для перехода в обозримом будущем на рельсы устойчивого развития. Но в настоящее время эти предпосылки и возможности в основном, хотя ещё и не полностью, утрачены.

Здесь уместно обратить внимание ещё на один фактор, серьезно осложняющий ситуацию, в которую попало человечество на пороге XXI века. Наиболее четко его обозначил польский писатель Станислав Лем. Он указал на то, что темпы нарастания глобальных проблем, их сложность и комплексность оказались такими высокими, что традиционный, медленно меняющийся характер отбора обществом политических лидеров и требований к ним оказался во многих случаях уже не соответствующим масштабу проблем. В 1992 году Лем сформулировал это следующее образом: «Необходимость выбора между цивилизацией как глобальным правлением знатоков-экспертов и цивилизацией как правлением политических лидеров, демагогических обещающих всё, а на самом деле не способных дать ничего, будет всё более и более острой. Остаётся только желать, чтобы когда-нибудь наступило время проверки профессиональной пригодности как экспертов-специалистов, так и поли-

тиков, — проверки, одинаково тщательной для тех и других. Ведь общая тенденция, заметная буквально повсюду, в том числе в США, такова, что возрастающей сложности государственных, социальных, технических, наконец, глобальных проблем сопутствует явное снижение уровня компетентности правящих».

Именно поэтому в концепции устойчивого развития подчеркивается исключительная важность роли общества и общественных движений в принятии правительствами кардинальных решений, определяющих смену парадигмы развития на будущее.

С проблемой компетентности «правлящих» очень болезненно столкнулась и наша страна в период, когда перед ней, как и перед всем миром, о чем говорил Морис Стронг на открытии Конференции в Рио, встала задача принципиальной корректировки курса развития. Корректировка для социалистического и капиталистического лагерей должна была осуществляться в сближающихся направлениях, что фактически пропагандировали авторы теории конвергенции.

Руководители сначала СССР, а затем России спутали, что такое рынок — цель или средство. Рынок любой ценой — это просто глупость! Это подмена цели одним из инструментов, который должен аккуратно использоваться для достижения настоящей цели.

Ещё большая глупость надеяться, что рыночные отношения сами всё отрегулируют и приведут нас к желаемой цели. Даже регулируемый государством рынок, каким он является в развитых странах, всё больше и больше входит по многим направлениям в противоречия с целями устойчивого развития.

Приведу лишь один пример. В 80-е годы в Германии не без труда был достигнут социальный консенсус в деле формирования экологичной рыночной экономики. Но уже в конце 80-х — начале 90-х годов всё громче и громче звучали критические голоса предпринимателей с призывом затормозить и даже повернуть вспять проводимую политику охраны окружающей среды, поскольку «защита окружающей среды — это палка в колеса промышленности», она «душает малый и средний бизнес» и «является слишком тяжким бременем для экономики Германии». Причина этих протестов состоит в том, что разумная экологическая политика подрывает главную движущую силу рыночных отношений — погоню за максимализацией прибыли, — а потому интересы общества можно и потеснить. Чтобы противостоять напору предпринимателей и заручиться поддержкой общества, Федеральная служба окружающей среды Германии была вынуждена в 1994 году выпустить специальную книгу, разъясняющую необходимость защиты природы, сбалансированного решения социальных, экономических и экологических проблем в интересах будущих поколений.

Не так давно скончавшийся президент Франции Франсуа Миттеран, которого вспоминают как великого политического и государственного деятеля мирового масштаба, выступая в марте 1995 года в Копенгагене на Всемирном форуме на высшем уровне в интересах социального развития, говорил: «Я задаю себе вопрос — сумеем ли мы предотвратить превращение мира во всеохватывающий рынок, где господствует закон сильного, где главной целью является получение максимальной прибыли в кратчайшие сроки? Я спрашиваю себя — не отдаем ли мы будущие поколения игре этих сил?»

Спикер парламента Швеции Бригитта Даль, поддерживая концепцию устойчивого развития, в своем выступлении в июле 1993 года в Лондоне говорила: «Мы хотим ответственного и устойчивого развития, основанного на экономическом росте, который достигается не путём жестокой эксплуатации человека и природы и не путём жестокой эксплуатации других народов и их природных ресурсов. Мы ясно видим, что рыночная экономика с её безудержной эксплуатацией человека и природы и жёсткие санкции, предпринимаемые Международным валютным фондом по отношению к развивающимся странам, сами по себе не могут решить упомянутые проблемы... Скоро нас будет 10 миллиардов (численность населения Земли, прогнозируемая на 2030 год — В.К.). Нельзя поэтому основывать стратегию выживания человечества на сегодняшних технологиях и неолиберальной рыночной экономике».

И чем дальше, тем больше и больше стремление к максимализации прибыли, являющееся движущей силой чисто рыночных взаимоотношений, будет входить в противоречие с интересами общества. Добиться некоторого смягчения этих противоречий удастся только тогда, когда простой экономический счёт будет, как уже отмечалось, заменен эколого-экономическим, т.е. учитывающим не только капитал, созданный трудом человека, но и «природный капитал», включая все ущербы ему. А пока функциони-

рование рынка должно направляться в требуемую сторону достаточно чётким и жёстким государственным регулированием с использованием законодательных и обычных экономических рычагов.

На будущее же в национальных стратегиях устойчивого развития ряда стран решение многих проблем связывается с развитием именно экологической экономики как научной дисциплины и основы для принятия экологически приемлемых экономических решений. Одним из примеров являются намечаемые механизмы сокращения числа индивидуальных автомобилей с одновременным развитием общественного транспорта с целью сокращения выброса транспортными средствами вредных веществ в атмосферу, в том числе углекислого газа, на одного перевозимого человека. Напомню, что транспорт, работающий на углеводородном топливе, потребляет сегодня 60% добываемой в мире нефти.

Где же оказалась Россия в результате осуществляемого реформирования?

Как великая держава, стержень одного из двух существовавших геополитических полюсов мира, она в результате хаотичных преобразований потеряла своё значение. Идет ли она сегодня в направлении устойчивого развития? Анализируя социальные, экономические и экологические показатели «развития» последних лет, можно твердо сказать: нет! Россия идет, а точнее её ведут, в направлении, прямо противоположном пути устойчивого развития.

Стремительно и коварно, путем обмана и оболванивания общественности нашей страны отечественными реформаторами и их зарубежными вдохновителями проводится политика неоконимализма по отношению к России. «Чубайсизация» экономики с распродажей через безумную приватизацию обернулась разбазариванием национального достояния. Нефть, газ, алюминий, цветные и драгоценные металлы всё в большей и большей мере уходят за рубеж. Скупка по дешёвке промышленности Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также и европейской части страны идет полным ходом. Кто, например, контролирует алюминиевую промышленность нашей страны?

«Чубайсизация» страны не только породила чудовищную социальную рознь в России (хотя концепция устойчивого развития требует прямо противоположного), но и нанесла трудно восполнимый урон нашей экономике. Кризис охватил все сферы жизнедеятельности российского общества, в том числе и его духовный мир.

Существует набор критических показателей, за которыми начинается трудностабилизируемый распад экономики и государства. Уже по состоянию на начало 1995 года Россия перешагнула через большинство критических показателей. Прошедшие полтора года только усугубили ситуацию. Нарастающий финансовый кризис и неизбежное наращивание внешних долгов ведут Россию в подготовленный финансовый капкан с превращением её в колониальную придаток развитых стран. И тогда Анатолий Чубайс с удовлетворением сможет сказать: «Финита ля комедия!»

В заключение ещё раз замечу, что, наряду с борьбой за ресурсы и экологические резервы, не менее острой будет борьба и за интеллектуальный потенциал. Это объясняется тем, что образование и наука становятся решающими факторами борьбы человечества и каждой страны за выживание в условиях нарастания глобальных проблем при вступлении в XXI век. Потеря научных школ и высококвалифицированных технических и технологических кадров, налагаемая на развал экономики, отбросит нашу страну на задворки мировой цивилизации. А противостоять такой потере крайне трудно, поскольку сегодня в России доля ВВП, выделяемая на развитие науки, во много раз ниже, чем в ведущих странах, и сравнялась с показателями стран Южной Америки и Африки, а заработная плата в промышленности составляет всего 0,3% от таковой в Германии.

Хочется, конечно, надеяться, что наши учёные и инженеры являются не только первоклассными специалистами, что подтверждается высоким спросом на них в мире («утечка умов» из России общеизвестна), но и патриотами своей страны, которая, несмотря ни на что, всё ещё имеет возможности для возрождения и выхода на путь устойчивого развития. Задача патриотической части интеллигенции и общественно-политических движений в России — всемерно содействовать реализации всё ещё имеющихся возможностей!

Если этого не произойдет, то наш дом, о которого «поехала крыша», под разговоры о национальной стратегии устойчивого развития сгорит дотла, и нашим внукам и правнукам достанется лишь пепелище.

Фото В. Новикова